
18+
Дж. П. Артис
Некоторые секреты
не должны быть
похоронены...
Другая
МИССИС
ХАРТЛИ
КНИГА 1
ИЗ СЕРИИ «СЕМЕЙНЫЕ ВОЙНЫ»

Дж. Артис
Другая миссис Хартли

https://litres.ru/74928594
ISBN 9785007172745

Аннотация

Американка Нора выходит замуж за йоркширца Даниэля, но вместо семейного счастья получает враждебность свекрови Маргарет. Когда муж уходит в армию, две женщины остаются под одной крышей — с долгами, тайнами и взаимными обидами. Метель, роды, борьба за выживание и десять лет разлуки постепенно меняют их отношения. Старая кулинарная книга, поддельное завещание и тайна полувековой давности заставят их понять: иногда путь от вражды к любви и есть дорога к настоящей семье.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ДОМ НА СИНДЕР-ЛЕЙН 5
Глава первая: Имя за столом 6
Глава вторая: Шесть месяцев 12
Глава третья: Правила миссис Хартли 19
ПРАВИЛА ДОМА 19
Глава четвёртая: Гроссбух 26
Глава пятая: Мэгги Макаллистер 31
Глава шестая: Чего Дэниел не знает 36
Глава седьмая: Болотный мирт и чернила 43
Глава восьмая: Ночь снега 52
Глава девятая: Обладание 60
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Другая миссис Хартли

Дж. П. Артис

© Дж. П. Артис, 2026

ISBN 978-5-0071-7274-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ДОМ НА СИНДЕР-ЛЕЙН

Год, когда Дэниел был в отъезде

Глава первая: Имя за столом

В последнее воскресенье августа Маргарет Хартли зажарила ногу ягнёнка для сына, который не был дома четыре месяца и она поняла ещё до того, как приготовила подливу, что что-то не так.

Это было видно по тому, как Дэниел ел. Он всегда ел как мальчик, который ждёт, что тарелку у него отнимут: быстро, низко опустив голову, одной рукой прикрывая блюдо. Сегодня он нарезал ягнёнка на маленькие аккуратные квадратики и перекладывал их с места на место, словно раскладывал улики. Он выпил два стакана воды подряд. Он взглянул на часы, которые висели над комодом и показывали неверное время с 1997 года, потом на мать, а потом с огромным интересом — на соль.

— Ну, выкладывай, — сказала Маргарет.

— Что выкладывать?

— То, что ты жуёшь с самого супа. У тебя это лицо с шести лет. Ты с таким лицом ходил в тот день, когда разбил теплицу миссис Пикеринг.

— Это был крикетный мяч. Это был несчастный случай.

— Это был не крикетный мяч, а *камешек,* и ты целился в чайку. Выкладывай, Дэниел.

Её сын положил вилку. Ему было тридцать два, он был высокий, светловолосый и слегка сутулый — мужчина, со-

зданный природой для того, чтобы пригибаться под низкими балками солтбийских коттеджей, с длинной челюстью отца и её собственными бледными, внимательными глазами. Хороший мальчик. Добрый мальчик. Мальчик, который остался при коптильне, когда все остальные парни в деревне уехали в Лидс или Лондон, который выучил рассол и дубовую щепу, и медленное терпеливое искусство печи, и который ни разу не пожаловался на то, что денег мало.

Он провёл три недели в Бостоне, представляя «Хартли и сыновья» на выставке морепродуктов. Маргарет была против с самого начала. *Бостон,* — сказала она. *Что они понимают в кипперах в Бостоне?* Но билеты были дешёвые, а выставка бесплатная и той весной банк прислал два письма, которые она прочитала, стоя у раковины, а потом сложила и убрала в жестянку из-под печенья, где Уолтер хранил запасные ключи.

— Я кое-кого встретил — сказал Дэниел.

Ягнёнок на вилке Маргарет остановился на полпути ко рту.

— Её зовут Нора. Нора Уитлок. Она реставратор книг. Работает в библиотеке, чинит старые рукописи. Она была на выставке с подругой и подошла к прилавку, потому что, по её словам, этот запах напомнил ей кухню дедушки. — Он теперь говорил быстрее, слова вываливались. — Я проводил её домой в тот вечер, мам, и на следующий, и, ну. Я на ней женюсь. Мы это обсуждали. Я сделал предложение в послед-

ний день и она согласилась.

На кухне стало очень тихо. Где-то во дворе чайка заорала на чайку.

— Она американка — сказала Маргарет.

— Она из Массачусетса. Да.

— Понятно.

— Её мать умерла, когда ей было двенадцать. Отец женился снова и живёт в Аризоне, они почти не общаются. Она, она одна, мам. У неё квартира и кот, и две картонные коробки книг, на которые она копила всю жизнь. Она самый умный человек, которого я когда-либо встречал. — Он сглотнул. — Думаю, она бы тебе понравилась.

Маргарет положила вилку — с большой осторожностью, параллельно ножу.

Был момент, очень короткий и она будет помнить его всю оставшуюся жизнь, когда она могла сказать правильную вещь. Она почувствовала, как слова поднимаются в горле, как тёплый хлеб: *Ох, Дэниел. Ох, милый. Я так рада.* Она увидела лицо сына — открытое, сияющее и испуганное — и точно знала, чего ему стоило сидеть там с этой надеждой в руках.

А изо рта у неё вышло:

— Как мило.

Это был голос, которым она говорила с женой викария. Это был голос двери, закрывающейся в другой комнате.

Свет в лице Дэниела не погас сразу. Он задрожал, как све-

ча на сквозняке. Он медленно кивнул.

— Ладно, — сказал он. — Что ж. Полагаю, это шок.

— Я не в шоке.

— У тебя вид, будто ты в шоке.

— Я *ем.* — она снова подняла вилку, положила ягнёнка в рот и прожевала и он был на вкус как опилки. — Когда свадьба?

— В ноябре. В Бостоне. ЗАГС, ничего пышного, её друзья и пара коллег. Я думал, ты могла бы, я думал, тебе будет трудно поехать, из-за коптильни. Я знаю, это зимний сезон.

Он предлагал ей путь отступления, красивый и логичный, прикрытый заботой о её деле. Маргарет, не способная согласиться на что-либо, не исследовав это со всех сторон в поисках скрытых изъянов, с благодарностью ухватилась за лазейку. Он сам держал для неё дверь открытой, и она шагнула в неё, притворившись, что не замечает, как он её придерживает.

— Да, — сказала она. — Зимний сезон. Я никак не могу уехать.

Плечи Дэниела опустились, совсем чуть-чуть, словно он нёс что-то, и только что подтвердилось, что никто ему не поможет.

Дэниел доел ягнёнка и помог с посудой. Он поцеловал её в щёку и поднялся наверх в свою старую комнату, насвистывая так фальшиво, что она поняла: он несчастлив. А она стояла на кухне, с руками в жирной воде и думала: *Я злая старая*

женщина.

Потом она подумала: *Но почему именно я должна быть рада? Меня никто не спросил. Мать никто никогда не спрашивает.*

Вот правда, которую Маргарет Хартли не расскажет никому шестнадцать лет: она не злилась. Она боялась. Три года назад она похоронила мужа и дом на Синдер-лейн с тех пор был таким пустым, что она иногда накрывала на стол два прибора и потом убирала один, и единственное, что ещё заходило в её дверь по ночам с громким, неуклюжим, живым шагом, был её сын. Если он уедет в Бостон, она останется одна. А если он не уедет в Бостон, если девушка приедет в Солтби вместо него, то за её столом, на её кухне, в её постели будет чужая. Чужая с *именем,* с массачусетским акцентом и притязанием на единственного человека, который у Маргарет остался.

— Нора — сказала она вслух, пробуя на вкус. Это было мягкое имя, хрупкое, как звук ложки о фарфоровую чашку. Это было не йоркширское имя. Это было имя, которое никогда не стояло на холодном причале в пять утра с руками в рассоле.

— Нора — сказала она снова и голос её дрогнул.

За её спиной зазвонил телефон.

Она вытерла руки и подняла трубку — «Хартли».

— Маргарет! — Голос был тёплый, богатый, мгновенно узнаваемый. Роланд Сайкс. Поверенный Уолтера, а в послед-

ние два года — ещё и управляющий банковским счётом её малого бизнеса. — Слышу! Прими мои Поздравления!.

Маргарет нахмурилась. — Поздравления?

— Со свадьбой. Я узнал от друга друга, который был на выставке. Бостон, не так ли? Американская девушка. Как чудесно, Маргарет.

Она стиснула трубку. Дэниел сказал ей десять минут назад. Больше никому не говорил. Он приехал прямо из аэропорта.

— Кто тебе это сказал? — спросила она.

— Маленькая деревня, дорогая моя, — сказал Роланд Сайкс, тихо смеясь. — Все всё знают. А теперь. Насчёт маленького вопроса с кредитом. Не хочу портить тебе воскресенье, но банк любит аккуратность. Договоримся на конец следующего месяца?

Маргарет закрыла глаза.

— Конец следующего месяца — сказала она.

Она положила трубку. В жестянке из-под печенья, за запасными ключами, два сложенных письма словно зашевелились, как спящие звери. У неё был сын, который женится на чужой. У неё была коптильня, которая теряла деньги. У неё был долг в сорок одну тысячу фунтов и никого на этом свете, кому можно было бы рассказать.

Наверху свист Дэниела прекратился. Она не пошла к нему.

Глава вторая: Шесть месяцев

Свадьба длилась одиннадцать минут.

Нора Уитлок запомнит их с абсолютной ясностью: бежевый ковёр бостонского ЗАГСа, папоротник в горшке, который уронил лист ровно в тот момент, когда она сказала *да,* запах полироли для пола, её подруга Прия, тихо рыдающая в горсть салфеток. Руки Дэниела были холодными. Его голос сорвался на *оставляя всех прочих.* Когда регистратор сказал «можете поцеловать невесту», он поцеловал, а потом посмотрел на пустые стулья на стороне жениха и Нора увидела, как изменилось его лицо, и сделала вид, что не заметила.

Его мать прислала открытку. Она пришла утренней почтой, кремовый конверт с йоркширским штемпелем и слегка криво наклеенной маркой. Внутри была печатная открытка с белыми лилиями на обложке, а под ними, тесным, прямым почерком: *Желаю вам обоим всяческого счастья. М. Хартли.* За ней была сложена кухонная салфетка, льняная, с вышитыми в углу словами «ХАРТЛИ И СЫНОВЬЯ».

Нора долго держала эту салфетку в руках.

— Она не мастер говорить — сказал Дэниел.

— Она написала *М. Хартли.* Она подписала открытку собственному сыну инициалом.

— Она стеснительная.

— Дэниел. Никто, кто стеснительный, не пишет открытку

как банковскую выписку.

Но она оставила салфетку. Она постирала её, погладила и положила в ящик, где хранила вещи, с которыми не знала, что делать. И сказала себе, что в день, когда она встретит эту женщину, она будет приветливой. Тёплой. Она завоюет её так, как завоёвывала трудных клиентов и скептичных переплётчиков: терпением, вниманием и очень лёгкой рукой.

Тогда она ещё не знала о кредите.

Дэниел рассказал ей в январе, на тесной кухне квартиры, куда они переехали после свадьбы, с тикающей батареей и снегом, косо летящим за окном. Весь вечер он был тихим. Он сидел за столом с письмом перед собой и когда она спросила, он пододвинул его через стол, не поднимая глаз.

Окончательное требование. Сорок одна тысяча двести фунтов.

— Это долг отца — сказал он. — Он взял кредит под коптильню после скудных лет и никогда ей не говорил. Мама узнала об этом после его смерти. Она три года платит проценты из выручки и это её пожирает. И тоже никому ни слова не сказала об этом. Я знаю только потому, что человек в банке, он старый семейный друг, мистер Сайкс, позвонил мне в отель в августе, чтобы, чтобы *предупредить* меня.

— Предупредить о чём?

— Что если это не будет погашено к следующей весне, банк потребует выплаты. И они заберут коптильню. И дом вместе с ней.

Нора перечитала письмо дважды.

— Сорок одна тысяча фунтов. Это, сколько, пятьдесят с чем-то тысяч долларов? Дэниел, мы можем это найти. У меня есть сбережения. Я могу брать частные заказы. Мы можем продать, продать машину, мы можем…

— Мы не можем. Там выйдет больше, с процентами. — Он провёл обеими руками по волосам. — Я всё посчитал. Я считал каждую ночь в течение месяца. Есть только одна вещь, которая быстро это покроет.

Она посмотрела на него. И она поняла. Поняла раньше, чем он сказал, по тому, как сжалась его челюсть, по тому, как он избегал её взгляда. Это было выражение человека, который был храбрым один очень долгий день и не знал, как остановиться.

— Армия платит бонус — сказал он тихо. — Если подпишешь контракт на двенадцатимесячную зарубежную командировку. Это тридцать тысяч, сразу, плюс жалованье. Я говорил с сержантом по набору на прошлой неделе. Я уеду к маю.

— Нет.

— Нора…

— Мы женаты два месяца!

— Я знаю.

— Ты никогда не служил в армии! Ты *коптишь рыбу!*

— Я также тридцатидвухлетний, здоровый и умею водить грузовик, — сказал Дэниел с безнадёжным смешком. — Мне

сказали, что я буду в логистике. Конвои снабжения. Нигде рядом с фронтом, даже если бы фронт был. Всего год, Нора. Двенадцать месяцев. А потом всё кончено и мам сохранит дом, и мы сможем начать как следует.

Слезы хлынули без спроса. Она всегда гордилась тем, что не плачет — ни когда клей идёт не так, ни когда веллум трещит по живому. Теперь она возненавидела свой голос: рваный, беспомощный, не её. Дэниел обнял её и она услышала, как под его рёбрами бьётся сердце — часто и мелко, как птица в клетке.

— Где я буду жить? — спросила она в его рубашку. — Аренда этой квартиры заканчивается в апреле.

Долгое молчание.

— Я думал — сказал он — что ты могла бы поехать в Солтби. Пожить с мамой. Просто пока я не вернусь. Ты составила бы ей компанию, а она тебе, и тебе не пришлось бы платить за жильё, и…

Нора подняла голову.

— Дэниел, — сказала она очень медленно. — Твоя мать прислала мне кухонную салфетку.

— Я знаю.

— Она ни разу не позвонила мне по телефону.

— Я знаю.

— Она считает меня охотницей за деньгами, которая украла её единственного сына.

— Она так не считает — сказал Дэниел, который сам в это

ни на секунду не верил. — Она просто,… ей нужно время. Вам обеим. Как только вы будете жить в одном доме, всё наладится. Вот увидишь.

Он был таким усталым, таким полным надежды и таким совершенно, обезоруживающе неправым, что она не смогла произнести слова, которые жгли ей рот. Поэтому она сказала: «Хорошо».

И ненавидела себя за это очень долго.

Солдат, который уехал из Бостона первого мая, был не тем человеком, за которого она вышла замуж.

Он был худее. Волосы были острижены под бледный ёжик. Он нёс рюкзак, который казался слишком большим для него и мальчишескую ухмылку, которая не достигала глаз. В аэропорту он целовал её, казалось, четверть часа, а потом взял её лицо в ладони и сказал:

— Пиши мне. Рассказывай всё. Каждую мелочь, хорошо? Кота, и книги, и что ты ела на завтрак. Я буду изголодавшимся по новостям.

— Я буду писать, — сказала она.

— И будь добра к маме.

— Я всегда добра.

— Я знаю, — сказал он и поцеловал её в лоб. — Поэтому я и не волнуюсь.

Это была самая глупая вещь, которую он ей когда-либо говорил. Она будет перебирать её в уме годами.

Три дня спустя Нора Уитлок стояла на пороге дома Хартли с двумя чемоданами, мягким архивным кофром и котом в переноске, который не переставал орать с самого Лидса. Шёл дождь. Красная дверь была закрыта. Латунный молоток был в форме прыгающей рыбы, и она подняла его и дала упасть.

Она ждала.

Дверь открылась.

Маргарет Хартли была ниже, чем представляла себе Нора, и худее, и абсолютно прямой. Она была в тёмно-синем кардигане, застёгнутом до горла и с жемчужными серьгами. Её серебристые волосы были уложены в то утро с жёсткой точностью женщины, которая ходит к одному и тому же парикмахеру каждую пятницу с 1981 года. Её глаза были глазами Дэниела, бледные и серо-зелёные, но их где-то заострили, как нож, которым много пользовались.

Они посмотрели друг на друга.

— Ты рано — сказала Маргарет.

— Такси было быстрым, — сказала Нора. — Миссис Хартли, как приятно наконец с вами познакомиться. Огромное спасибо, что принимаете меня, я знаю, это должно быть…

— Это кот?

— Её зовут Мармеладка. Она обычно очень тихая. Она просто расстроена из-за дороги.

— Там есть коптильня — сказала Маргарет — в конце сада. Она полна рыбы. Я бы не — и она помолчала, и следу-

ющее слово упало, как брошенная монета, — *советовала* с ней связываться.

Нора, которая не смыкала глаз тридцать один час, попыталась выдавить из себя что-нибудь остроумное — и поняла, что мысли кончились. Она стояла на крыльце под дождём, чувствуя, как холодные струйки бегут за воротник, а слёзы, которые она так упорно гнала от себя с самого Хитроу, вдруг поднялись, готовые захлестнуть её с головой.

И Маргарет Хартли, которая не была жестокой женщиной, увидела их. Одного взгляда хватило.

Она попятилась, будто инстинктивно освобождая проход, и выдавила сквозь зубы:

— Лучше заходи.

Глава третья: Правила миссис Хартли

Правила были прикреплены к внутренней стороне двери кладовой.

Нора нашла их на третье утро, когда пошла искать мармеладку — не кота, а настоящий мармелад — и вместо этого обнаружила лист линованной бумаги, написанный синей перьевой ручкой, тем же прямым почерком, что подписал свадебную открытку.

ПРАВИЛА ДОМА

1. Завтрак в шесть. Обед в полдень. Чай в пять. Ужин в восемь. Между приёмами пищи не есть.

2. Снимать обувь у двери. Тапочки в корзине. Синие принадлежали Уолтеру, их не носить.

3. Кухня моя. Если хочешь готовить, спроси.

4. В коптильню не входить никому, кроме Хартли.

5. В заднюю комнату коптильни не входить никому.

6. Никаких телефонных звонков после девяти вечера, кроме как от Дэниела.

7. Не трогать вещи.

Нора прочитала список сверху вниз, а потом снизу вверх. Правило пятое было подчёркнуто. Дважды.

— Это шутка? — спросила она кота.

Кот, который обосновался в кресле Уолтера и уже с большой церемонией обсыпал его шерстью, не ответил.

Это была не шутка. К концу первой недели Нора узнала, что Маргарет Хартли не шутит — так же, как Северное море не извиняется. Она узнала, что чайник нельзя наполнять выше отметки, что напольные часы нужно заводить по воскресеньям и не иначе, и что её собственная привычка оставлять книгу раскрытой на подлокотнике кресла была, по словам Маргарет, «способом сломать корешок». (*Это было единственное, в чём они согласились*.) Ей дали маленькую комнату в задней части дома, бывшую комнату Дэниела, с узкой железной кроватью и бледными прямоугольниками на обоях там, где раньше висели постеры. Пятно сырости размером с обеденный стол расползлось по потолку.

Она писала Дэниелу каждую ночь. Длинные, бодрые письма — полные кота, книг, чаепитий, деревенских жителей, которые глазели на неё на главной улице, как на сбежавшее из зоопарка животное. Она рассказала про пекарню на Куэй-стрит, где женщина сунула ей бесплатную булочку. Про то, как учится заваривать чай «как положено» — и как её поправляли целых четыре раза. Про его мать, которая, оказывается, *тот ещё персонаж*. И в конце каждого письма — одно и то же: *она осваивается*.

Она не сказала ему, что Маргарет не разговаривала с ней за ужином два дня. Она не рассказала о вечере, когда предложила вытереть посуду, а Маргарет забрала у неё полотен-

це, *мягко,* и сказала: «Я предпочла бы сделать это сама, спасибо, тогда я буду знать, где что лежит». Она не сказала, что на пятый вечер спустилась в гавань и час просидела на причальном кнехте в темноте, слушая, как вода хлопает о камни, пытаясь вспомнить, как звучит её собственное имя, когда кто-то произносит его с теплотой.

Он был далеко. Напуган и устал. И армейские цензоры читали каждую строчку. Какой смысл было нагружать его своим одиночеством? Она спрятала его поглубже — туда, где уже лежали другие несчастливые вещи, которые ему знать не следовало, лизнула край конверта и написала: С любовью, Н.

По утрам она сидела в сетевом чердаке над коптильней, который Маргарет неохотно разрешила ей использовать, «раз уж больше некому» и работала над потрёпанным викторианским атласом, который прислал ей по почте торговец из Йорка. Чердак был светлым и сухим, с длинным окном на гавань. Это было первое место в Солтби, где она могла дышать.

Там она и была на шестнадцатый день своего пребывания, когда запах жареной рыбы поднялся сквозь половицы и её желудок перевернулся, как лодка.

Она успела до туалета за секунды.

Потом она стояла на коленях на холодном кафеле, прижавшись лбом к фарфору, дрожа и считала на пальцах назад. Потом посчитала снова. Потом начала очень тихо смеяться.

В последнее время она была такой усталой. Такой голод-

ной. Такой плаксивой — и она списывала это на горе и изоляцию и тоскливую йоркширскую весну.

В голове у неё звонил колокол, ясный и огромный, как тот, что на harbour bar в штормовые ночи.

Десять минут спустя она стояла в «Бутсе» на главной улице и покупала тест на беременность у скучающего подростка, который посмотрел на её кольцо и сказал: «Поздравляю, дорогая», хотя его не спрашивали.

Две полоски. Очень розовые. Очень уверенные.

Она сидела на краю ванны, сжимая в руке пластиковый стержень теста. Дэниел был так далеко — в раскалённой казарме, с нелюбимой винтовкой и с долгом, который на него свалили.

Он будет так счастлив, — подумала она. А следом, сжимая сердце: *Он будет в ужасе.*

И вдруг реальность с глухим толчком вернула её на землю, к женщине внизу. К той самой, что прибила к двери кладовой «Не трогать вещи» и за шестнадцать дней ни разу не назвала её по имени. Как она скажет ей об этом?

Она подумала: *Я рожу Маргарет Хартли внука.*

Это было самое страшное предложение, которое она когда-либо составляла.

Она не собиралась говорить Маргарет в тот день. Собиралась подождать — пока не поговорит с Дэниелом, пока врач не подтвердит, пока не подберёт слова. Целый день она

просидела на чердаке, реставрируя один и тот же квадратный дюйм потрескавшейся кожи, возвращаясь к нему снова и снова, словно это было единственное, что она могла контролировать. В пять часов она спустилась к чаю.

Маргарет была у плиты. Она не обернулась.

— Тебя тошнило утром — сказала она.

Нора замерла с рукой на спинке стула.

— Стена ванной очень тонкая — сказала Маргарет. — И меня саму тошнило, четыре раза. Я знаю этот звук.

— Миссис Хартли…

— Сколько недель?

Не было смысла лгать.

— Десять. Думаю. Я не была у врача.

Маргарет наконец обернулась.

Она стояла там с деревянной ложкой в руке, и Нора, которая шестнадцать дней пыталась прочитать это лицо, впервые увидела, что оно дрожит. Не от гнева. Что-то более старое и странное: взгляд горя, голода и ужаса, словно окно распахнулось в доме, который был заперт годами.

Три удара сердца ни одна из них не дышала.

— Мой сын знает? — сказала Маргарет голосом тонкого льда.

— Нет. Я узнала всего час назад. Я собираюсь написать ему сегодня вечером. Я подумала, что должна сначала сказать вам. Раз это ваш дом.

Ложка дрожала. Маргарет положила её на плиту, вытерла

руки о фартук, вытерла снова, а потом сказала грубым, осторожным, ужасно официальным голосом:

— Тебе нужно правильно питаться. Яйца. Зелень. Не так много чая.

Это было всё. Она отвернулась к плите и начала мешать что-то, что не нуждалось в помешивании.

Но Нора, которая смотрела ей в спину, увидела, как она быстро поднесла руку к глазам.

Той ночью за дверью маленькой комнаты стояла кружка тёплого молока. И тарелка сухих крекеров. И сложенный под тарелкой, квадрат линованной бумаги с семью правилами, и восьмым, только что добавленным синими чернилами:

8. Отдыхать.

Нора села на узкую железную кровать с бумагой в руках, и впервые за шестнадцать дней почувствовала что-то, что не было надеждой, но было той же формы.

И она не знала — потому что никто ей не сказал, потому что единственный, кто мог бы, был в тридцати одной миле отсюда, на автостоянке у больницы, читая письмо, которое он никогда не закончит, — что внизу, в жестянке из-под печенья за запасными ключами, тем утром пришло третье письмо из банка, и что Маргарет Хартли убрала его, не открывая и что завтра высокий мужчина в угольном пальто постучит в заднюю дверь тремя медленными ударами и двумя быстрыми.

И она не знала, что к тому времени, когда родится её дочь,

в зимнем снегу, две женщины в этом доме попытаются, всеми способами, какими могут две женщины, уничтожить друг друга.

Глава четвёртая: Гроссбух

К концу июня Нора знала три вещи о Маргарет Хартли.

Она знала, что Маргарет встаёт в четыре каждое утро, зимой и летом, и идёт к коптильне в темноте с фонариком и термосом чая. Она знала, что Маргарет не ест ничего, кроме тостов, до полудня, а потом, ровно в двенадцать, садится за кухонный стол и съедает тарелку того, что дала печь, с сосредоточенностью хирурга. И она знала — с уверенностью, которая росла с каждым днём, — что коптильня Хартли не приносит тех денег, о которых говорила Маргарет.

Третью вещь она узнала случайно.

Был четверг, сырой и тёплый, небо цвета старой посудной воды. Маргарет уехала в Уитби на день — повидать человека насчёт новой дверцы печи — и оставила Нору отвечать за две вещи: пирог в духовке и телефон. Пирог не доставлял хлопот. Телефон зазвонил в одиннадцать и это была женщина из лидской гастрономии, которая хотела знать, почему её заказ на двести копченных рыб не пришёл.

— Мне очень жаль, — сказала Нора. — Я всего лишь, я член семьи. Позвольте мне разобраться. Я могу перезвонить?

Она вошла в маленькую комнату в конце холла, которую Уолтер использовал как кабинет. Это было тесное, холодное помещение, пахнущее бумагой и трубочным табаком,

с рулонным столом, зелёным металлическим картотечным шкафом и настенным календарём, всё ещё перевёрнутым на март три года назад. Правило седьмое гласило: *Не трогать вещи.* Нора ничего не трогала. Она только смотрела.

На столе лежал большой чёрный гроссбух, открытый на странице прошлого месяца.

Она провела восемь лет, учась читать то, что глаз хочет пропустить: слабую тень стёртой цифры, то, как поддельная подпись по-другому растекается по бумаге, маленькое колебание в строке чернил, которое говорит, что писавший боялся. Она не собиралась изучать гроссбух. Она только хотела найти лидский заказ. Но её взгляд упал на колонки, и какой-то тихий профессиональный инстинкт — тот самый, что спас бесценный Часослов от небрежного реставратора, — проснулся и сказал: *Это неправильно.*

Суммы не сходились.

Не на немного. Почерк Маргарет был прекрасен: мелкий, прямой, неторопливый. Она записывала каждую копченную рыбу, каждый ящик, каждый мешок дубовой щепы. Но итоговые суммы внизу каждой страницы были написаны другой ручкой, другой рукой, более свободным, беглым почерком и они были *ниже.* Каждый месяц на несколько сотен фунтов. И каждый месяц разница переносилась в строку под названием *Банковские сборы (Р.С.).*

Р.С.

Нора села в кресло Уолтера.

Она перелистала страницы назад. Март. Февраль. Прошлая осень. В каждом случае — та же подпись на полях, тот же беглый курсив, та же мелкая кража, спрятанная в строке арифметики. Кто-то перебирал этот гроссбух каждый месяц, и дописывал в него, и уменьшал итоги, чтобы Маргарет верила, что коптильня в худшем состоянии, чем была.

Она переписала цифры на лист бумаги. Руки у неё не были вполне твёрдыми.

Она всё ещё сидела там, когда входная дверь открылась и голос Маргарет сказал из холла: — Нора? Что ты, ради всего святого, делаешь?

Женщина стояла в дверях с сумочкой на локте и лицом как захлопнувшаяся дверь. Её глаза прошли по столу, открытому гроссбуху, бумаге в руке Норы.

— Из лидской гастрономии звонили, — быстро сказала Нора. — Сказали, что заказ пропал, я искала…

— Это стол моего мужа.

— Я знаю. Простите. Но миссис Хартли, послушайте, здесь есть кое-что…

— Правило седьмое, — сказала Маргарет.

— Пожалуйста, просто посмотрите на итоги. Кто-то…

— *Правило седьмое.* — Она пересекла комнату в три шага и захлопнула гроссбух с таким стуком, что Нора подпрыгнула. — Ты в этом доме два месяца. Тебя кормили, тебе дали крышу и обращались со всяческой любезностью, а ты входишь в кабинет моего мужа, как только я поворачиваюсь

спиной и роешься в наших личных счетах. Так принято в Бостоне? Так делает жена?

— Я ничего не рою. Я пытаюсь сказать вам, что вас обкрадывают.

Тишина была необыкновенной.

Маргарет Хартли стояла очень прямо, прижимая гроссбух к груди, и Нора увидела, как что-то шевельнулось за её глазами — проблеск чего-то дикого и загнанного.

— Обкрадывают, — повторила она.

— Цифры внизу каждой страницы. Они написаны другой рукой. Р.С. берёт небольшие суммы каждый месяц. Думаю, это мистер Сайкс. Кто-то в банке подделывает записи, чтобы вы верили, что вы в долгу.

— Я *и есть* в долгу.

— Может быть, не так сильно, как вы думаете.

На мгновение Норе действительно показалось, что она это сделала. Что она дотянулась сквозь холодную, прямую, непроницаемую женщину и коснулась чего-то настоящего. Она увидела, как губы Маргарет приоткрылись. Она увидела, как её глаза наполнились.

Потом они прояснились.

— Роланд Сайкс, — сказала Маргарет голосом, похожим на треск льда на пруду, — сидел у постели моего мужа в ночь, когда он умер. Он был другом этой семьи сорок лет. А ты в Солтби два месяца. Кому из вас, по-твоему, я поверю?

— Я не прошу верить мне. Я прошу вас *посмотреть*.

— Убирайся.

— Миссис Хартли…

— Убирайся из этой комнаты, Нора. Иди наверх. Я не желаю тебя видеть.

Это был первый раз, когда Маргарет произнесла её имя вслух. Оно прозвучало как проклятие.

Нора ушла. Она поднялась по лестнице в маленькую комнату с сырым потолком и железной кроватью, села и положила обе руки на живот, где, в трёх дюймах под пальцами, существо размером с лайм тихо кувыркалось в темноте.

— Ну, — прошептала она. — Это прошло хорошо.

Внизу, в маленьком кабинете, Маргарет Хартли сидела в кресле мужа с открытым гроссбухом перед собой и снова читала цифры. И снова. И медленно, с ползущим, тошнотворным холодом, она начала видеть то, что видела девушка.

Она не пошла наверх сказать об этом. Она не сказала об этом ни в тот вечер, ни на следующий день, ни через день.

Она была гордой женщиной, а некоторые вещи признать труднее, чем ложь.

Глава пятая: Мэгги Макаллистер

Когда-то её звали Мэгги.

Никто в Солтби не помнил этого теперь. Никто не помнил, что Маргарет Хартли, самая прямая и несгибаемая женщина на северном побережье Йоркшира, родилась Маргарет Энн Макаллистер в многоквартирном доме в Говане, Глазго, четвёртой из семи детей клепальщика с верфи, который пил, и матери, которая не пила. Никто не помнил поношенный кардиган, картонный чемодан, акцент настолько сильный, что когда она впервые открыла рот на рыбном рынке в Солтби, женщина громко рассмеялась и попросила её повторить.

Ей было девятнадцать. Она приехала в Йоркшир работать упаковщицей на коптильне Хартли, чтобы посылать деньги домой. И на третий день высокий, застенчивый, рыжеволосый парень двадцати одного года уронил ящик сельди ей на ногу и извинялся так отчаянно и краснел так сильно, что она начала смеяться и не могла остановиться.

Уолтер Хартли. Наследник коптильни, дома на Синдер-лейн и грозного доброго мнения своей матери, Агнес Хартли, которая посмотрела на Маргарет в день их знакомства так, как фермер смотрит на корову с больной ногой.

— Шотландка, — сказала Агнес за воскресным жарким, при всей семье. — С *верфей*. Что ж, Уолтер. Полагаю, это один из способов добавить немного колорита в родословную.

Это длилось семь лет. Семь лет колких замечаний за столом, *случайно* потерянных ключей, платьев, которые загадочным образом сели после стирки. Агнес никогда не повышала голос. Она была слишком умна для этого. Она лишь тихо замечала, что девушка не совсем *одна из них,* что её гласные никогда не будут звучать правильно, что, возможно, ради будущего детей ей стоит подумать об уроках дикции. В день, когда Маргарет потеряла первого ребёнка, Агнес стояла в ногах кровати и сказала: «Что ж. Такое случается, когда девушка не сильна».

Маргарет никогда её не простила. Она также никогда не отвечала. Она опустила голову, выучила рецепты и вставала в четыре утра пятьдесят лет и однажды проснулась и поняла, что это она в темноте на коптильне, а Агнес на церковном кладбище и что никто в деревне не помнит, кто был чужаком.

Она часто думала об этом теперь. В долгие серые дни, когда лёгкие шаги девушки звучали над её головой.

Она не ты — говорил голос Уолтера, мягкий и сухой.

— Я знаю, что не я.

Тогда почему ты делаешь с ней то, что мать делала с тобой?

— Я не делаю.

Мэгги.

— Я *не делаю,* — сказала Маргарет вслух, пустой кухне и слёзы подступили к глазам, горячие и яростные. — *Я за-*

щищаю её. Я защищаю их всех. Если Роланд такой, как она говорит, то жене Дэниела нечего быть рядом с этим, она собирается родить. Она побежит к Дэниелу, и он вернётся и потеряет своё место в армии, и весь год будет напрасным. Я этого не допущу. Я не допущу.

Она лгала, конечно. Она знала это. Под гневом было что-то проще и постыднее: она не могла вынести, чтобы её увидели. Не эта умная, тихая, образованная девушка с хорошими гласными, книгами и ужасными, добрыми, терпеливыми глазами. Не в этот самый момент, когда гроссбух только что показал ей, какой глупой она была.

Поэтому она сделала единственное, что умела. Она укрылась за стеной правил.

За следующую неделю Маргарет Хартли сделалась такой грозной, что даже сама испугалась. Она стала отмерять чай по ложечке. Передвинула сахар туда, где Норе было неудобно тянуться. За ужином обронила, что некоторые женщины, стоит им забеременеть, совсем распускаются. Сидела напротив и смотрела, как Нора ест, одёргивая её за каждый неправильно взятый прибор. Когда Нора целый день копалась в саду, высаживая лаванду вдоль задней стены, Маргарет назавтра всё выкорчевала и засадила грядки картошкой. «Сад — для еды», — сказала она.

Нора ничего не сказала. Она посмотрела на картошку и на Маргарет, а потом поднялась наверх и написала очень длинное письмо мужчине в пустыне, в котором упомянула, что

его мать «*в хорошем настроении*».

А пятнадцатого июля высокий мужчина в длинном сером пальто пришёл к задней двери, постучал три раза медленно и два быстро, и Маргарет, которая ждала этого две недели, открыла.

— Маргарет, — сказал Роланд Сайкс. Его лицо было прочерчено линиями глубокой озабоченности. — Нам нужно поговорить о будущем.

Она впустила его на кухню, налила ему чаю. А Нора, которая собиралась спуститься за стаканом воды, замерла на лестнице с рукой на перилах и слушала.

— Банк обеспокоен, — мягко сказал Роланд. — Это печь. Инспекторы приходили на прошлой неделе, знаете ли. Говорят, это пожарная опасность. Её нужно заменить до конца года, иначе лицензия будет приостановлена, а с учётом непогашенного кредита… — Он вздохнул. — Мне больно это говорить, Маргарет. Правда. Но я говорил с джентльменом, который мог бы помочь. Застройщик. Он готов сделать очень щедрое предложение за набережную. Достаточно, чтобы погасить долг и ещё останется на хороший коттедж где-нибудь в тёплых краях.

— Коптильня не продаётся.

— Конечно. Конечно, нет. Но подумайте о Дэниеле. Подумайте о девушке и ребёнке.

Пауза.

— Что ты знаешь о ребёнке? — сказала Маргарет очень

тихо.

— Да только то, что все знают, дорогая моя. Вся деревня знает. Миссис Пикеринг видела её в аптеке.

— И кто, по-твоему, сказал миссис Пикеринг?

Роланд улыбнулся. Это была прекрасная улыбка, терпеливая, печальная и понимающая.

— Я оставлю бумаги вам, — сказал он, доставая из портфеля длинный конверт. — Прочтите. Не торопитесь. Но не слишком медлите, Маргарет. Банк не славится терпением.

Он ушёл. Входная дверь закрылась. И в последовавшей тишине Маргарет Хартли, которая никогда в жизни ни от чего не бежала, сидела за собственным кухонным столом, прижав ладони плашмя по обе стороны конверта и тряслась, как лист.

На лестнице Нора затаила дыхание.

Потом очень тихо повернулась и поднялась обратно в свою комнату. Она села на кровать, достала карандаш и лист бумаги и начала своим мелким, аккуратным, научным почерком записывать всё, что услышала.

Это было начало списка. К концу года он займёт одиннадцать страниц.

Глава шестая: Чего Дэниел не знает

Звонки приходили по воскресеньям, в семь, с номера в стране, название которой Нора не могла выговорить.

На линии всегда была задержка, полсекунды, из-за которой каждый разговор казался разговором через каньон. Голос Дэниела приходил и уходил, трещащий от помех, всегда слишком бодрый, всегда слишком быстрый. Он рассказывал ей о жаре, о песке в ботинках и о капрале из Ньюкасла по имени Гэз, который приютил бродячую собаку и назвал её Сержантом. Он спрашивал о ребёнке, о визите к врачу, о маленьком животике, который он видел на фотографии, которую она прислала. Он спрашивал о матери.

— Она в порядке, — говорила Нора.

— Она добра к тебе?

— Она очень добра.

— С ней не всегда легко. Я знаю. Я всё думаю о вас двоих, в этом большом доме, как вы раздражаете друг друга.

— Мы ладим, — говорила Нора, и в темноте холла прижимала ладонь к холодным обоям и закрывала глаза, — как дом в огне.

— Что?

— Как дом в огне. Это выражение. Оно значит очень хорошо.

— Я никогда такого не слышал, — сказал Дэниел, смеясь,

линия затрещала и оборвалась, а когда вернулась, он уже говорил о футбольном матче.

Где-то внизу очень тихо закрылась дверь. Нора знала, что это кухня. Маргарет стояла там очень прямо у плиты, делая вид, что не слушает. По воскресеньям она всегда находила причину быть на кухне в семь.

Когда звонок закончился, Нора положила трубку и постояла мгновение в холле. Потом вошла на кухню.

Маргарет тёрла кастрюлю, которая уже была чистой.

— Он хорошо звучит, — сказала Нора.

— Да.

— Я не сказала ему о кредите, о мистере Сайксе и о гроссбухе.

Трение прекратилось.

— Я не просила тебя, — сказала Маргарет.

— Я знаю. Но я подумала, ты должна знать, что я не сказала.

Долгое молчание. Вода капала из крана. Снаружи вечер был золотым и серым над гаванью, и чайки кружились и ссорились в последнем свете.

— Его нельзя волновать, — сказала наконец Маргарет, обращаясь к раковине. — Ему и так есть что нести.

— Да.

— Если он отвлечётся, там, он может совершить ошибку. У них есть оружие. Грузовики. Он не — и её голос сорвался, едва-едва, — он никогда не был осторожным мальчиком.

Нора никогда не слышала от этих жёстких губ ничего более близкого к признанию. Ей захотелось пересечь кухню и обнять её. Так сильно, что руки дрогнули.

Она не сделала этого. Она сказала вместо этого тихо:

— Я согласна.

Маргарет повернула голову, совсем чуть-чуть.

Это было началом чего-то. Ни одна из них не называла это так. У этого не было имени; это было лишь маленькое, хрупкое, невысказанное соглашение, нить не толще паутины, натянутая между двумя женщинами, у которых не было ничего общего, кроме одного мужчины, которого они обе любили и которые обе, ради него, лгали ему.

Но нить есть нить. И прежде чем лето закончилось, она будет испытана.

Это началось, как начинаются худшие вещи, в совершенно обычный вторник.

Это была вторая неделя сентября. Нора была на тридцатой неделе беременности, огромная и неудобная, и у неё появилась тяга к сладкому коричневому хлебу из пекарни на Куэй-стрит, в которой она стыдилась признаться. Она проснулась до рассвета с ноющей спиной и лежала, слушая чаек. К шести она поняла, что что-то было не так.

В доме было слишком тихо.

Не было грохота с кухни. Не было запаха тостов. Не было шагов в холле. Она медленно, с трудом оделась и спустилась

вниз и обнаружила кухню холодной и пустой, плиту незажжённой, чайник на крюке.

Она заглянула во двор. Заглянула в кладовую. Пошла к коптильне, в тапочках, толкая тяжёлую дверь обеими руками и нашла большую печь тёмной и безмолвной, ряды сельди, висящие, как призраки.

— Миссис Хартли?

Ничего.

Потом, из самого дальнего конца коптильни, из-за штабелей дубовой щепы, слабый звук. Один вдох, как у человека, который очень старается не шуметь.

Она пошла на него. Прошла по длинному тусклому коридору между стеллажами, её тапочки шептали по камню, пока она не достигла дальней стены. И там, в белой кирпичной кладке, была низкая деревянная дверь, которую она никогда не видела открытой.

Она была приоткрыта.

Тонкая полоска света лампы падала на пол.

— Правило пятое, — прошептала Нора. *В заднюю комнату коптильни не входить никому.*

Она протянула руку. Дерево было холодным. Медленно, очень медленно она толкнула.

Маргарет Хартли сидела на полу.

Она сидела в середине маленькой каменной комнаты, обставленной полками, поджав ноги под себя, как девушка и её седые волосы выбились из шпилек. Вокруг неё лежали

открытые коробки, груды пожелтевшей бумаги, старые чёрно-белые фотографии, потрёпанный жестяной сундук с откинутой крышкой. На коленях она держала связку писем, перевязанную синей лентой. Её лицо было мокрым.

Она подняла голову. Она не казалась удивлённой.

— Я нашла его почерк, — сказала она маленьким, странным голосом. — Уолтер писал мне. Каждую неделю сорок лет, и я ни разу не знала. Он приходил сюда писать и клал их в сундук, а я думала, что он, я думала, он *пьёт.* Я думала, он стыдится меня. — Она подняла письмо и её рука дрожала. — Я ошибалась. Он писал, чтобы сказать, что любит меня.

Нора опустилась на колени, медленно и неуклюже, на холодные плиты рядом с ней. Она не коснулась её и ничего не сказала.

И спустя долгое время Маргарет сказала, не поднимая глаз:

— Сладость в пироге с курицей. Ты однажды спросила, что это.

— Ты сказала, что это семейный секрет.

— Так и есть. — Она сделала длинный, судорожный вдох. — Это Элиза Пеннок. Прапрапрабабушка моего мужа. Щепотка сушёного болотного мирта и ложка верескового мёда в рассоле. Она записала это в книгу, которая потерялась при пожаре. Моя свекровь хранила секрет и умерла, не сказав мне и я тридцать лет пыталась его разгадать. Я узнала его только прошлой зимой, из письма в этом сундуке. — Она

горько рассмеялась. — Я никому не говорила. А теперь сказала тебе и не знаю почему.

— Потому что я здесь, — мягко сказала Нора. — И я никуда не ухожу.

Маргарет повернула голову. Ее серо-зеленые глаза с покрасневшими веками были очень усталыми и впервые смотрели на Нору без привычной настороженности.

— Все уходят, — сказала она.

И именно тогда, сквозь шёпот ветра и медленное тиканье остывающей печи, раздался звук открывающейся двери коптильни и весёлый голос, который, как показалось Норе, был новым и ужасно знакомым:

— Маргарет? Ты здесь, дорогая моя? Я стучал.

Две женщины посмотрели друг на друга.

В единственной лампе комнаты Нора увидела, как изменилось лицо её свекрови. Боль и дикость ушли из него, сменившись за одну секунду чем-то твёрдым, ясным и настороженным: лицом женщины, которая пережила Агнес Хартли, и выкидыш, и пьяного отца, и сорок лет молчания. Это было лицо бойца.

— Быстро, — прошептала Маргарет. — Сундук. Закрой. Письма под кардиган.

— Что?

— Сделай это, девочка. Он не должен увидеть заднюю комнату. Еще нет. Нет, пока мы не узнаем, чего он хочет.

Нора, которая за два месяца не получила от этой женщи-

ны ни одного приказа, которому была бы рада подчиниться, сгребла письма в кардиган, захлопнула сундук и взяла Маргарет за руку.

Это было первый раз, когда они коснулись друг друга.

Рука была сухой, прохладной и удивительно сильной и она сжала её так крепко, что стало больно.

— На счёт три, — сказала Маргарет. — Мы выходим вместе. Мы ничего не говорим. И что бы он ни сказал, — и её рот искривился в ужасной, прекрасной, свирепой улыбке, — мы улыбаемся.

Глава седьмая: Болотный мирт и чернила

Роланд Сайкс стоял в дверях коптильни и за ним было серое утро, и одно долгое, подвешенное мгновение никто не двигался.

Свет падал бледным прямоугольником на каменные плиты. Касался тёмных рядов сельди, свисающих с балок, — они слегка покачивались на сквозняке, серебристые, с отвисшими челюстями, как собрание утонувших. Касался чёрного зева печи. Касался Маргарет Хартли, которая вышла из коридора с аккуратно уложенными волосами и лицом, на котором было написано лёгкое бытовое раздражение — словно она просто вышла разобраться с протекающим краном. И касался Норы, стоящей на шаг позади. Одна её рука лежала на округлившемся животе, другая прижимала к кардигану одиннадцать писем, перевязанных синей лентой, — они прильнули к её рёбрам, как второе сердцебиение.

— Маргарет — тепло сказал Роланд — Вот ты где. Я стучал, знаешь ли. Дважды.

— Уверена, что стучал — сказала Маргарет — Я разбиралась с дубовой щепой. Новая партия сырая.

Она сказала это так ровно, так безжалостно, с такой глубокой, выношенной усталостью, что Нора почувствовала, как по ней прошла дрожь — почти благоговейная. Она увидела

наконец, какой жёсткой и какой сломленной была эта женщина. Она никогда прежде не видела, как та играет, — и поняла с тихим, изумлённым толчком, что Маргарет Хартли играет роль Маргарет Хартли уже полвека. Каждое выверенное движение, каждый отточенный согласный, каждый сжатый взгляд — всё это был костюм, сшитый на заказ. А под ним — испуганная девушка из Гованы, над которой когда-то смеялись на рыбном рынке.

Она подумала: *Мы одинаковые.* И эта мысль была такой огромной, что на мгновение она не смогла дышать.

— А Нора, — сказал Роланд, поворачивая своё мягкое, озабоченное лицо к ней. — Дорогая моя. Тебе не следует быть на ногах? В твоём положении?

— Я люблю свежий воздух, — сказала Нора.

— В коптильне?

— И запах тоже. — Она улыбнулась. Это ощущалось как выдёргивание гвоздя из собственной челюсти. — Он напоминает мне кухню дедушки.

Была пауза. Очень маленькая пауза. Но Нора, которая восемь лет наблюдала, как на поверхности древней бумаги появляются мельчайшие изъяны, увидела, как что-то сдвинулось в глазах поверенного: мерцание, крошечное холодное сокращение, как зрачок, закрывающийся от яркого света. Его взгляд прошёл вниз, по её лицу, шее, по гребню кардигана, где лежали письма. Он задержался там ровно на секунду дольше, чем нужно.

Потом он улыбнулся.

— Как очаровательно, — сказал он.

Он спросил Маргарет, обдумала ли она предложение застройщика. Маргарет сказала, что нет и не собирается, и что если он желает обсудить это, пусть делает это на кухне, за чаем, как христианин. Он сказал, что это будет восхитительно. Он вышел первым. Женщины последовали за ним, в почтительных трёх шагах и когда они пересекали двор под низким, синячным небом, с чайками, кричащими над трубой и запахом рассола, густым на ветру, рука Маргарет снова нашла руку Норы и сжала её один раз, крепко.

Это говорило так же ясно, как речь: *Ни слова.*

Это говорило: *Спасибо.*

И третье, тоже, чего Нора не осмелилась прочитать, потому что если она ошибалась, это причинило бы больше боли, чем она могла вынести.

На восстановление букв у Норы ушло три недели..

Она делала это ночью, на чердаке, при зелёном свете настольной лампы, с морем, медленно дышащим о сваи внизу и ребёнком, толкающимся под её рёбрами. Их было двести двенадцать, написанных за сорок один год косым каллиграфическим почерком человека, который бросил школу в четырнадцать. Некоторые были просто обрывками: *Мэгги, ты выглядела прекрасно сегодня утром, когда думала, что никто не видит.* Некоторые занимали несколько страниц. Все

они были влажными, скрученными, покрытыми плесенью в тех местах, где протекал старый жестяной сундук, и все они были такими нежными, такими беззащитными, такими сокровенными, что Нора чувствовала себя воровкой всякий раз, когда прикасалась к ним.

Она работала мягкой кистью, костяной гладилкой и чашей дистиллированной воды. Она распрямляла хрупкие заломы между листами промокательной бумаги. Она удаляла пятна гелем, который смешивала сама, терпеливо, укол за уколом. Это была медленная, тонкая, святая работа и это был первый раз за много месяцев, когда она чувствовала себя полностью собой.

На девятнадцатую ночь она перевернула письмо, датированное 1989 годом и прочитала, прежде чем смогла остановиться:

Мэгги, сегодня я сидел в гавани и вспоминал тот день, когда ты приехала. Ты вышла из автобуса в этом ужасном зеленом пальто, с чемоданом, перевязанным бечевкой, и посмотрела на море так, словно хотела его остановить. Я подумал: Уолтер Хартли, ты никогда в жизни не будешь достаточно хорош для этой женщины. И я тридцать один год пытался соответствовать.

Нора отложила письмо и прижала ладонь к губам.

Она подумала о своей матери, умершей, когда Норе было двенадцать, об остром чистом запахе её рук, о том, как она напевала, когда месила тесто. Она подумала о долгих оди-

ноких годах после, в доме, где никто никогда не говорил таких вещей вслух. Она подумала: *Мне никто никогда не писал такого письма.* Она подумала о Дэниеле, в его пустыне, с его застенчивым, неловким, огромным сердцем и огромная волна тоски поднялась в ней, такая яростная, что испугала её.

Когда она закончила, разложила каждое восстановленное письмо между листами бескислотной бумаги, перевязала связку свежей лентой и понесла вниз через спящий дом.

Маргарет была на кухне. Было почти три часа ночи и она сидела за столом в халате, совсем одна, с единственной лампой, чашкой остывшего чая и выражением такого глубокого одиночества, что Нора почти повернула назад.

— Не спится, — сказала Маргарет, не поднимая глаз.

— Мне тоже. — Она осторожно положила свёрток на клеёнку. — Я хотела, чтобы это было у тебя. Они уже высохли и в безопасности, не раскрошатся.

Маргарет уставилась на стопку бумаги. Её рука поднялась, задрожала и упала.

— Я не могу, — сказала она срывающимся шёпотом. — Я не могу их читать. Если я их прочитаю, он умрёт.

— Он умер, — очень мягко сказала Нора.

— Я *знаю!* — Это вырвалось рыданием. — Я знаю, я знаю, я знаю это три года и четыре месяца, но я не *сказала* этого, а письма, если я их прочитаю, тогда это станет правдой, потому что больше не будет. Никогда не будет другого. Это всё, что у меня от него осталось.

Нора села.

Она была тяжёлой, неуклюжей, у неё болела спина и она понятия не имела, что делать. Она никогда не знала, что делать с горем. Поэтому она сделала единственное, что смогла придумать: протянула руку через стол, взяла тонкие холодные руки Маргарет в свои и держала их, не говоря ни слова.

Они сидели так долго. Лампа шипела. Ветер вздыхал вокруг трубы. Где-то в доме напольные часы тикали сквозь темноту и Мармеладка пришёл на мягких лапах и, мурлыча, обвился вокруг их лодыжек.

— Прочитай мне одно, — сказала наконец Маргарет. — Я не могу сама. Но ты могла бы прочитать мне одно.

И Нора прочитала ей то, про зелёное пальто.

И Маргарет Хартли положила голову на кухонный стол, среди холодных чашек и старого чёрного гроссбуха, и уголка миссис Битон, и заплакала впервые за три года, с великими грубыми некрасивыми рыданиями женщины, которая держалась прямо так долго, что забыла, как сгибаться.

Нора гладила её волосы. Они были серебристыми, тонкими и пахли древесным дымом.

Вот — подумала она в дикой, растерянной нежности, — *вот чего стоит быть любимой. Вот цена.*

И впервые она не побоялась заплатить.

Осень пришла в Солтби за две недели, наполненные медью и дождями.

Пустоши над городом стали цвета ржавчины и старого вина. Вереск побурел и стал хрупким; папоротник свернулся; море стало тусклым оловом оружейного ствола и начало бросаться на harbour wall с долгим, усталым, громовым терпением. По утрам Нора просыпалась от запаха древесного дыма и холода, и пронзительных голосов чаек, так же мягкой, толкающей тяжести ребёнка, переворачивающегося в её животе. По ночам она лежала с руками на животе и слушала, как старый дом оседает и скрипит вокруг неё, и думала с каким-то изумлённым чувством благодарности: *Кто-то не спит там внизу. Кто-то поддерживает огонь в плите.*

Первого октября Маргарет взяла её на пустошь собирать болотный мирт.

Это была долгая, крутая, грязная прогулка и Нора на тридцать третьей неделе, запыхавшаяся, отказалась бы, если бы осмелилась. Но Маргарет не спрашивала. Она просто появилась у подножия лестницы в потрёпанном вощёном пальто и зелёных резиновых сапогах, с термосом и секатором, и сказала: «Тебе понадобятся хорошие сапоги».

Они пошли вместе сквозь тонкий золотой свет. Ветер налетал на них долгими холодными порывами, пахнущими торфом, солью и овцами. Внизу вся гавань лежала в тумане, серая черепица и синий дым и тонкая белая линия прибоя; выше них, на гребне, единственный ястреб неподвижно висел в небе. Маргарет шагала вперёд без слова, спина прямая, как грабли. Нора плелась сзади, рука на пояснице, стараясь

не пыхтеть.

Наверху, в ложбине, где земля стала губчатой и чёрной, Маргарет опустилась на колени и показала ей растение.

— Вот. Серо-зелёный. Понюхай.

Нора растёрла лист между пальцами. Запах поднялся смолистый, сладкий и дикий, с горьковатой ноткой, как сосна и мёд и что-то более старое, что-то уходящее на двести лет назад, на йоркширскую кухню, к поварихе по имени Элиза Пеннок, которая нагибалась на этих самых пустошах с корзиной на руке.

— Вот оно, — выдохнула Нора. — Вот эта сладость.

— Вот эта сладость. — Маргарет откинулась на пятки. Её щёки раскраснелись от холода и на мгновение, в ясном тонком свете, она выглядела на двадцать лет моложе — девушка на холме, со всем небом над головой. — Я никогда не думала, что скажу кому-то. Я думала, если секрет выйдет, весь дом рухнет. Но это ведь только растение, правда? Просто листик.

— Это растение, — согласилась Нора. — И женщина, которая знала, что с ним делать.

Маргарет посмотрела на неё. Серо-зелёные глаза блестели, влажные и яростные.

— Я была недобра к тебе, — сказала она.

— Да.

— Я хочу, чтобы ты знала, что я это знаю.

— Я знаю, — сказала Нора, улыбнулась, протянула руку и Маргарет взяла её и подняла из вереска.

Наполнив две корзины они шли домой в долгий янтарный вечер, под руку, не разговаривая, пока внизу один за другим зажигались огни в коттеджах и море лежало позади них, как лист тёмного стекла.

Это был самый счастливый день за весь год Норы.

Это длилось ровно сорок восемь дней.

Глава восьмая: Ночь снега

Первый снег выпал восемнадцатого ноября и он не прекращался.

Он начался в сумерках, как несколько ленивых снежинок, дрейфующих за кухонным окном и Маргарет, закрывая ставни, сказала: «Будет ночка». К семи двор был белым. К девяти ветер поднялся до воя, швыряя снег длинными шипящими простынями в стекло и весь дом содрогался на фундаменте, как корабль на якоре. Свет погас в десять. Маргарет зажгла керосиновые лампы и заложила плиту и две женщины сидели на кухне в янтарном свете с чайником между ними и котом на коленях у Норы, слушая бурю.

До срока оставалось девять дней. Весь вечер Норе было не по себе: тупая, глубокая боль, которая приходила и уходила внизу спины, напряжение поперёк живота, как медленно сжимающаяся рука. Она ничего не сказала. Это были *всего лишь* тренировочные схватки. В книгах это было очень ясно. Это была всего лишь ложная тревога, вызванная холодом.

В одиннадцать пятнадцать, без всякого предупреждения, что-то внутри неё подалось с мягким, влажным, безошибочным *хлопком.*

Она побелела.

— Нора? — Маргарет приподнялась. — Что такое?

— Кажется, — сказала Нора голосом, который, казалось,

не принадлежал ей, — у меня отошли воды.

Наступила тишина.

Снаружи буря бросалась на ставни. Порыв ударил в трубу и выбросил клуб дыма в комнату. Пламя лампы заколебалось.

— Так — сказала Маргарет, встала очень прямо, и Нора с маленьким шоком увидела, что она побледнела, как бумага. — Так. Я вызову скорую.

Она пересекла холл. Нора услышала, как подняли трубку. Услышала долгую, плоскую, пустую тишину. Услышала, как Маргарет сказала слишком спокойным голосом: «Линия мертва».

Ветер закричал. Что-то тяжёлое рухнуло на крышу и соскользнуло.

— Дорога? — выдавила Нора.

— К этому времени замело, полагаю. Уитбийская дорога затапливается при шторме, а снег идёт с пяти. — Маргарет вернулась в дверях кухни и стояла там, держась рукой за косяк, а свет лампы бросал её тень огромную и дрожащую на стену. — Ближайшая больница в Скарборо. Это восемнадцать миль. До утра до нас никто не доберётся.

— До *утра?*

— Не паникуй.

— Я не паникую! — вскричала Нора, немного истерично, и тут первая настоящая схватка взяла её — огромная, медленная, разрывающая волна, которая началась в позвоноч-

нике и покатилась вперёд и *вниз,* пока ей не показалось, что её тело должно расколоться пополам и она вцепилась в стол обеими руками и услышала, как издала звук, которого никогда в жизни не издавала.

Когда это прошло, она была на коленях на каменных плитах, кот сбежал под комод, а её лоб был прижат к холодному дереву стула. Волосы прилипли к щекам. Она рыдала и не помнила, как начала.

— Дэниел, — сказала она. — О Боже, я хочу Дэниела.

И Маргарет была на полу рядом с ней.

Она стояла на коленях в одних чулках, в своём хорошем тёмно-синем кардигане, с жемчужными серьгами и старательно уложенными волосами и взяла лицо Норы в обе свои холодные, сухие руки, и сказала голосом, которого Нора никогда раньше не слышала — низким, хриплым и абсолютно твёрдым:

— Посмотри на меня. Нора. Посмотри на меня. У меня было трое детей, я потеряла двоих и я помогла половине женщин в этой деревне родить, потому что акушерка — дура. Я проведу тебя через это. Ты понимаешь? Ты не одна. Я не оставлю тебя. Ни на секунду.

Нора уставилась на неё. Лампа блестела в серо-зелёных глазах Маргарет, огромных, яростных и влажных.

— Обещаете? — прошептала она, как ребёнок.

— На могиле Уолтера, — сказала Маргарет Хартли. — На моей собственной жизни. Обещаю.

Это была самая долгая ночь в жизни Норы.

Она будет вспоминать её потом обрывками, как вспоминают горячку: рёв ветра в трубе; маслянистое золото лампы на побеленных стенах; запах горячей воды, карболки и древесного дыма. Резкий, мокрый хлопок снега о ставни. Боль, которая приходила волнами, каждая выше предыдущей, так что она начала думать о ней не как о том, что случается с ней, а как о огромном чёрном океане, в котором она тонет, снова и снова, и каждый раз её вытаскивают обратно на поверхность те же твёрдые, прохладные, неподатливые руки.

Маргарет отнесла её наверх. Она сняла постель в маленькой комнате, постелила клеёнку и старые простыни на матрас, вскипятила чайники на плите, разорвала полотно на полосы, и двигалась сквозь всё это с быстрой, молчаливой, свирепой сноровкой, словно ждала этой ночи пятьдесят лет. Она говорила без умолку. Она говорила о матери Уолтера и о том, как печь загорелась в 1978 году и о запахе Глазго под дождём. Она говорила ни о чём. Неважно, что она говорила. Это её голос удерживал Нору на земле.

В два часа ночи Нора сказала тонкой высокой нитью паники: «Я не могу».

— Можешь.

— Я *не могу*. Это слишком. Это разрывает меня пополам. Я хочу остановиться.

— Остановиться нельзя, — сказала Маргарет. — Есть

только следующая. И следующая. А потом всё кончится. — Она вытерла лицо Норы прохладной влажной тряпкой. — Я тебе кое-что скажу. Когда я рожала Дэниела, девятнадцать часов и Уолтер был бесполезной тушей в коридоре, а его мать стояла в ногах кровати и говорила: «Ну, если девушка не справляется, может, послать за настоящей женщиной». Я хотела её убить. Я хотела встать с этой кровати и задушить её её же собственным жемчугом. И я подумала: *Нет. Я сделаю это. Я сделаю это из злости.* И я сделала.

Хриплый, беспомощный смех вырвался из горла Норы. — Из злости?

— Это лучшее топливо, — мрачно сказала Маргарет. — Разозлись. Подумай обо мне. Подумай, какой ужасной старой каргой я была с тобой. Ненавидь меня, если поможет.

— Я не ненавижу вас.

— Тогда ненавидь снег.

— Я ненавижу снег, — сказала Нора сквозь зубы и новая волна поднялась и унесла её.

В четыре утра ветер стих.

Тишина, последовавшая за этим, была такой внезапной и огромной, что на мгновение Норе показалось, что она умерла. Ставни перестали дребезжать. Труба перестала стонать. Весь дом затаил дыхание и в странной синей тишине она слышала мягкое постукивание снега по стеклу, и своё собственное рваное дыхание, и очень слабо, далеко внизу, море, поднимающееся и опускающееся, как дыхание огромно-

го спящего животного.

— Вот, — тихо сказала Маргарет. Она стояла на коленях в ногах кровати, рукава закатаны до локтя, волосы дикими седыми прядями вокруг лица. Она выглядела измождённой, и ликующей, и на сотню лет старой. — Теперь. Когда придёт следующая, ты тужься. Изо всех сил. Я скажу, когда остановиться.

— Я не могу.

— Ты *можешь*. Ты жена Дэниела. Ты Хартли. Мне всё равно, как тебя звали раньше. Тужься.

Нора тужилась.

Она тужилась, пока мир не стал красным, потом белым, потом чёрным по краям. Она тужилась, пока не стала существом, сделанным целиком из усилия, из мышц и сухожилий и животной воли, горой, которую рассекает река. Она почувствовала жжение, огромное, ужасное растяжение, ощущение чего-то огромного и живого и яростного, прокладывающего себе путь в мир и она закричала, и откуда-то очень издалека услышала голос Маргарет, твёрдый, как скала:

— Умница. Умница. Вот так. Я вижу головку. У неё тёмные волосы. Ещё раз. Ещё раз, моя дорогая. Ещё *раз*.

Моя дорогая.

Это слово пронзило Нору, как луч света. А затем, с шумом, шорохом и вздохом, все закончилось, и комнату наполнил тонкий, возмущенный, яростный вопль.

Маргарет Хартли откинулась на пятки со скользким, кри-

чащим, пурпурно-красным свёртком в руках.

Лампа колебалась. Снег шептал у окна. И на мгновение никто в комнате не говорил, потому что всё время сжалось в одну маленькую точку и в этой точке была крошечная, яростная девочка с мятым лицом и копной мокрых чёрных волос, размахивающая двумя крошечными кулачками в адрес вселенной.

— Девочка, — сказала Маргарет голосом, который Нора едва узнала. Он был сорванным, дрожащим и полным такого обнажённого, огромного изумления, что было почти больно слушать. — Ох, Нора. Ох, моя дорогая. Это *девочка.*

Она завернула ребёнка в тёплое полотенце и с бесконечной осторожностью положила её на грудь Норы.

Нора посмотрела вниз.

Два тёмных глаза, огромных, не сфокусированных и блестящих, как мокрый шифер, смотрели на неё в ответ. Крошечная совершенная ручка обвилась вокруг её пальца и держалась с силой, которая остановила её сердце.

Она никогда не знала, что любовь может быть такой. Она думала, что понимает её: любовь мужа, друга, матери, давно умершей. Но это было что-то совсем другое. Это была любовь, у которой не было начала, которая, казалось, ждала в её костях с тех пор, как она родилась, огромный прилив нежности, который поднялся из ниоткуда и хлынул через неё, затопляя каждый тёмный и испуганный угол, пока она не заплакала и не засмеялась и не смогла отличить одно

от другого.

— Здравствуй, — прошептала она. — Здравствуй, моя любовь. Здравствуй, здравствуй.

И Маргарет в ногах кровати, в сером свете рассветного снега, закрыла лицо руками и её плечи затряслись.

— Как мы её назовём? — спросила она спустя долгое время, когда смогла говорить.

Нора подняла глаза. За окном первый тонкий свет распространялся по гавани, превращая весь белый мир в жемчуг, розу и золото. Буря прошла. Море лежало плоское и сияющее. На дальнем холме единственная труба коттеджа выпускала тонкую прямую нить дыма.

— Элиза — сказала она. — Элиза Маргарет.

Маргарет ничего не сказала.

Она стояла там долгое мгновение, прижав руку ко рту и закрыв глаза и всё её тело дрожало, и когда она наконец подняла голову, её лицо было мокрым, и сияющим, и очень молодым.

— Элиза Маргарет Хартли, — тихо сказала она. — Что ж. Это хорошее крепкое имя.

Глава девятая: Обладание

Счастье, как выясняется, — самая опасная вещь, которую можно дать испуганному человеку.

В первую неделю после рождения Элизы дом Хартли светился. Дороги расчистили на третий день и растерянная молодая акушерка приехала на «Лендровере» и обнаружила мать и дитя процветающими, а бабушку (её ещё не называли так, но она уже вела себя соответственно) суетящейся на кухне в переднике, напевающей шотландский гимн себе под нос. Пришёл врач и объявил это чудом. Вся деревня присылала открытки, цветы, запеканки и огромные вязаные одеяла в ярких оттенках жёлтого, и миссис Пикеринг, которая, по мнению Норы, скорее умерла бы, чем выдала что-то, что можно продать, появилась на пороге с банкой домашнего джемона из дамасских слив и видом смущённого любопытства.

Дэниел позвонил в воскресенье. Линия на этот раз была чистой. Его голос звучал необычно тепло, глубоко и дрожаще, и целую минуту он не мог говорить, только дышал, а Нора держала трубку у уха в тусклом холле, с Элизой, спящей у её плеча и слушала, как её муж плачет в десяти тысячах миль отсюда, в жаре пустыни, которую она никогда не видела.

— Она, она в порядке?

— Она идеальна. У неё твой подбородок.

— Боже. О Боже. Нора, я хочу…

— Я знаю.

— Мне следовало быть там.

— Твоя мать была там, — сказала Нора и её голос смягчился. — Она была чудесна. Я не знаю, что бы я без неё делала.

На линии была долгая пауза, трещащая помехами. — Правда? — сказал Дэниел маленьким, полным надежды голосом. — Вы двое, вы поладили?

Нора посмотрела через холл. Через открытую кухонную дверь она видела Маргарет, раскрасневшуюся и сияющую, помешивающую кастрюлю молока спиной к ним, с плечами, трясущимися от какого-то беззвучного смеха, который копился весь день. Она подумала о гроссбухе, о кредите, о грязном трюке с Роландом Сайксом, о трёхсотфунтовой дыре в выручке, об одиннадцати страницах заметок под матрасом. Она подумала: *Если я скажу ему, он вернётся.* Она подумала: *Если он вернётся, его отдадут под трибунал и мы потеряем всё.*

— Мы поладили, — сказала она и закрыла глаза. — Как дом в огне.

Неприятности начались на восьмой день и начались они с любви.

Нора заметила это сначала как мелочь. Элиза плакала ночью, и Нора просыпалась, сонная и ноющая, и обнаруживала

колыбель уже пустой и звук низкого голоса Маргарет, плывущий вверх по лестнице: *Тише, тише, моя овечка.* Она спускалась в халате и находила старую женщину в кресле Уолтера у заложенной плиты, с ребёнком, устроенным в изгибе руки, и щекой, прижатой к мягкой тёмной головке, глаза закрыты, качается, с выражением такой беспомощной, поглощённой преданности, что у Норы не хватало духу говорить.

Потом это стало каждую ночь. Потом каждое кормление. Потом каждое бодрствование.

— Я могу её взять, — говорила Нора, протягивая руки.

— Тебе нужно отдохнуть.

— Я отдохнула. Она голодна.

— Она *только что* успокоилась. — И Маргарет поворачивала плечо, чуть-чуть, и прижимала ребёнка ближе, и что-то вспыхивало в её бледных глазах: что-то настороженное, яростное и испуганное. — Ребёнка нельзя передавать из рук в руки, как посылку. Это его беспокоит.

На десятый день Нора вернулась из ванны и обнаружила, что детская переставлена. Колыбель перенесли из её комнаты в комнату напротив, комнату Маргарет и дверь была закрыта. За ней тихо пели.

— Она лучше спит здесь, — сказала Маргарет, когда Нора постучала. — Там нет сквозняка от окна.

— Она спит в *моей* комнате.

— Она будет спать в тёплой.

— Маргарет. — Это был первый раз, когда Нора назвала

её по имени, и это вышло с резкостью, которая потрясла их обеих. — Отдайте мне мою дочь.

Дверь открылась. Маргарет стояла в проёме с Элизой на руках и с таким обнажённым, ужаснувшимся ужасом, что гнев Норы умер у неё в горле.

Она поняла в одно мгновение, что происходит. Старая женщина не пыталась украсть ребёнка. Она не была жестокой, или властной или злонамеренной. Она просто была в ужасе. Она потеряла троих детей. Она потеряла мужа. Она потеряла единственную жизнь, которую знала, и вот, в её руках, тёплое и дышащее и пахнущее молоком, было единственное, что вселенная вернула ей, и она не могла вынести мысли отпустить это, даже на час, потому что всё, что она когда-либо любила, было отнято в тот момент, когда она отворачивалась.

— Ох, Маргарет, — сказала Нора, и её глаза наполнились. — Я не собираюсь её забирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.